

— Сестра, а вы занимаетесь с мужем французской любовью? Я давеча имел гувернантку-француженку, это я вам скажу чудо, как хорошо!

— Ну, что ты, Николая! Серж такой le puritainи стеснюля, что довольствуюсь только «бутербродиком», да и то раз-два в неделю по 10 минут, а так бы хотелось!

— Так заведи любовника!

— Никак нельзя! Ах, это высшее общество! Эти сучки имеют по три — четыре утешителя, но стоит новой даме с кем-нибудь хотя бы заговорить наедине, тут же слухи поползут, а Серж он ревнивый до одури! Нет, этот вариант неприемлем.

Мы сидели в гостиной, в новом доме мужа сестрицы, графа Путяева. Дом был большой, красивый, с вычурными башенками, стоял на Невском и стоил, наверное, кучу денег.

— Да, не завидую я тебе, Наташа. Бери пример с меня: 22 года, а о женитьбе даже не помышляю, хотя маменька этим все уши пожуужжала и готова толкнуть меня в семейную пропасть хоть завтра. А насчет минета, так это называют, может быть я помогу?

— Николая, ты что, как можно?

— Ой, а то ты, Наташа, не знаешь, что половина света живут со своими дочерьми, братьями, сыновьями! А мы чем хуже?!

— Ну, не знаю, не знаю...

Наталя в задумчивости задрала глаза к потолку, а брат уже стоял за спиной, положив руки на кругленькие, упругие титьки и всю их мял.

— Когда твой благоверный придет?

— К вечеру, он сегодня в собрании, а потом в клуб. Подожди, убери руки, я хоть горничную отправлю. Катя, иди сюда!

В комнату вплыла дородная девица и глупыми, коровьими глазами уставилась на барыню.

— Катя, ты хотела к тётушке сходить, иди, ты сейчас не нужна.

— Спасибо, — и служанка ушла, покручивая бёдрами.

— Хороша, чертовка, — Николай масляно улыбнулся. — Её, поди, твой муж пользует?

— Да, что ты, его на меня-то не хватает.

Ещё через несколько минут брат с сестрой расположились в спальне. Наташа, сняв платье, стягивала с себя чулки, а Николай, скинув сюртук и брюки, стоял перед ней в одних подштанниках. Вот, наконец, девушка откинулась на подушки, и братец с толстым, в синих жилах, хуем, полез к ней. Сначала он попытался обнажить сестру полностью, но получил полный отпор.

— Николая, мы не договаривались о поебаться, ты хотел показать мне нечто другое!

Она схватила член брата и стала его внимательно рассматривать.

— Верись, нет, но я впервые, вот так, близко смотрю на него. — Она улыбнулась и стала похожа на маленькую девочку, которой показали что-то хорошее и интересное. Рука её погладила головку, пальцы прошли вдоль ствола и обхватили большие, тёмные, мохнатые яйца.

— Я, право, не знаю, что делать, — графиня озорно посмотрела на меня и розовым язычком слизнула капельку, образовавшуюся на залупе.

— Натали, не лукавьте, а вспомните, как мы с тобой в детстве подглядывали за

маменькиными забавами.

Мы с сестрой выросли в имении, в Орловской губернии. Папаша — отставной майор, после всех военных компаний получил дворянство, да две деревеньки с тремя сотнями душ, но будучи израненным на поле брани, прожил недолго и оставил вдову с двумя детьми горевать и управляться с хозяйством. Но мне кажется, что папа почил не от ран, а сердце не выдержало на почве ежедневных бурных сношений с любвеобильной маменькой, которая была младше его на 28 лет, замуж выскочила в 15 и уже через год родила меня, а ещё через три и мою сестру. После появления детей у папы внутри что-то сломалось, и маман ушла спать в отдельную комнату. Когда сестре было 9—10 лет, мы часто вечером пробирались на сеновал и прятались, зная, если папы нет дома, мама обязательно здесь объявится. Когда темнело, появлялась она с конюхом, или садовником, задирала платье и, насаживаясь на хуй, резво прыгала на нём и стонала.

Став немного постарше и, начиная понимать, что мама изменяет отцу на каждом шагу, мы перестали бояться кого-либо и чего-либо и уже смело топая подходили к дверям комнат, где маман ублажала очередного любовника, приоткрывали их и любовались всем происходящим, щупая друг друга за интимные места. Насмотревшись вдоволь, уходили в свои комнаты, но не расставались. Ложились на одну постель, раздевались догола и пробовали закрепить полученные знания абсолютно невинным и безвредным трением своих половых органов друг об друга. Однажды мы с сестрой увидели как мама, стоя на коленях, брала в рот писюку учителя — француза, но не решились такое повторить, потому что было стыдно и противно. Вот так и протекали наши детские годы. Сестрица моя, изнывая от нерастроченной страсти, очень быстро выскочила замуж, сделав хорошую партию, и уехала в Санкт — Петербург. Я ещё три года пожил на деревенских хлебах, стал мужчиной с одной из дворовых девок, и жажда ежедневной, ежечасной ебли обуяла юношу и кинула его во все тяжкие. За очень короткий срок я перепробовал всех дворовых девок и женщин, не очень обращая внимание на косые взгляды их отцов и мужей.

После данных викторий переключился на дочек помещиков — соседей, выбирая из них тех, кто не отличался примерным поведением в части амурных дел, но тут получился казус. В 20 верстах от нас находилось имение помещика Звонцова. Это был здоровый, пожилой мужик, обремененный большим семейством и долгами. Семейство-то большое, но была у него одна любимица — младшая дочь *** лет, хорошенькая, как ангел, с точёной фигуркой, маленькой грудкой и кругленькой попкой. За ней-то я и приударил, но безуспешно. Как только я не старался, что ни делал, все потуги были напрасны и дальше целования ручек дело не двигалось. Однажды, гуляя по берегу реки вдали от её дома, я обезумел, повалил девушку на траву и силой овладел ею, не смотря на крики и бешенное сопротивление. В тот же вечер, дабы не быть убитым её папашей, я с благословения матушки, сбежал в Петербург, чтобы на время здесь затеряться, да так и остался. Живу здесь уже два года, хожу на службу нетрудную и монотонную, где получаю нищенское жалование, а основные деньги даёт маман. Но вернёмся в спальную сестры!

Наташа взяла моего петуха в рот и начала с ним игру языком, да так лихо, так сладко! Я уткнулся промежностью ей в нос, стоял и думал, что вот он рай земной! Когда движения её убыстрились, я понял, что таким темпом и закончить могу, но это не входило в мои планы, сегодня я хотел получить от сестры всё, будь бы она поумнее, ещё в детстве должна была ублажать меня по — полной. Я выдернул елду изо рта Натали, приподнял её под мышки,

сбросил бретельки лёгкого платья и скинул его ей под ноги. Под платьем ничего не было, а сие означало, что сестра моя предвидела, что может произойти в конце концов и дабы не путаться в крючках и застёжках, решила остаться обнаженной.

— Николай, перестань, мы так не договаривались!

— Я с тобой ни о чём не договаривался, — ответил ваш покорный слуга, стянув с себя остатки одежды. Дурочка, посмотри, как стоит мой красавец! Тебя муж таким часто балует?

Она вздохнула:

— У Сержа супротив твоего вполонину меньше будет, но всё равно так нельзя, мы ведь брат и сестра!

— Знаешь, как монахи говорят?» Брат сестру прижал к кресту, сестра, дай ради Христа!

— Фи, богохульник!

— Помнишь, как мы с тобой в детстве друг друга щупали, ласкали?

— Так то в детстве, — Наталья с улыбкой закатила глаза, вспоминая давние годы и присела на краешек кровати. Я тут же оказался рядом и, не дав ей не сказать ни слова, снова заткнул её рот своим солдатом. На этот раз она сосала увереннее и по-настоящему. Дабы не излиться я резко толкнул её на кровать, раздвинул прелестные ножки и, насладившись видом волосатой пизды, тут же вошёл в неё. Всё действие длилось мгновение, сестра даже охнуть не успела, как оказалась одетой на мою елду по самые яйца.

— Ах, Николя, Николя, что же мы лелаем? — начала сестра самобичевание, одновременно отменно мне подмахивая. Мы подёргались друг на друге, а потом я улёгся на кровать спиной, а Наташа оседлала меня сверху, легла своими титьками на грудь и горячо зашептала в ухо:

— Милый братик, я полная дурра, что мы раньше не начали этим заниматься, твой елдак скроен под мою письку. Как хорошо, толсто и глубоко! Давай ещё глубже, ещё сильнее!!

Я держал её за задницу и яростно вколачивал хуй, а затем облюнявил палец и начал его вводить Наташке в задницу. Она запрыгала, как бешенная, закатила глаза, замычала, и мой пах смочился терпко воняющей жидкостью. Задрав вверх голову и треся титьками и сведенным спазмами животом, сестра прорычала:

— В меня не спускай, прошу!, — и бессильно откинулась назад. Я вырвал своего жеребца из этой конюшни, схватил сестру за волосы, пригнул и, всунув мокрый, блестящий от соков хуй в приоткрытый рот, начал обильно кончать. Спермы было много, она скопилась у сестры за щеками, и та была вынуждена часть проглотить, а часть пролилась с губ на шёлковые простыни.

— Вот она такая, французская любовь, — пропел я дурашливо, поглаживая Натали по пизде, когда мы лежали и отдыхали от трудов амурных. Сестра поглаживала моего уставшего героя и мурлыкала:

— Спасибо тебе, Коленька! Я думаю, что теперь мы будем встречаться гораздо чаще, особенно, когда граф уезжает по делам.

— Оші, топ аті, — ответил я и неторопливо начал одеваться.

Когда я добрался к себе домой, на Воскресенку, было уже темно. Маман снимала мне отличную квартиру с гостиной, кабинетом и двумя спальнями. Приезжая в Петербург, она часто останавливалась у меня, так как недолюбливала спесивого зятя. Вот и сейчас, подходя к дому, я увидел знакомую открытую повозку. Мама меня долго обнимала, целовала, всё-таки полгода не виделись, тараторила без умолку, но всё же две стоящих новости сообщила.

Девушка, из-за которой я покинул родные пенаты, счастливо вышла замуж за

старика-полковника и уехала, так что со стороны её отца гонения в мой адрес прекратились. Вторая новость — мама рассталась с очередным пассией, художником, вот уже три месяца как и сейчас находится в поисках, потому и приехала в Петербург. Опишу вам свою маман. Я уже упоминал, что замуж она вышла рано и сейчас это была 38-летняя цветущая женщина. Конечно, увядание тронуло её лицо чуть заметными морщинками, крупная грудь не висела только за счёт корсета, да и попка была грузновата, не то, что 8—10 лет назад, когда я теребил своего петуха, представляя в мечтах мамочку. А вообще это была очень симпатичная, милая женщина, куда лучше многих прафурсеток из высшего света.

— Николая, я тут немного похозяйничала в зале — расставила свои вещи. Я пробуду неделю — дней десять, надеюсь мою спальную комнату не заняла какая-нибудь портовая шлюшка?

— Что ты, мама, какие там женщины? Время хватает на работу, да иногда с друзьями в картишки перекинуться.

— Вот это зря! Для хороших, я подчёркиваю, хороших женщин всегда можно уделить час-другой. У меня к тебе просьба: Иван (кучер) нагрел воды, а то я с дороги запылённая вся, да и потом пахну не амбег, помоги принести ему ванну в кабинет, я там омоюсь, а потом будем ужинать деревенскими разносолами.

Мы с Иваном перенесли тяжеленную, чугунную ванну, налили туда горячей воды, и кучер ушёл во флигель, где была его маленькая комната с кроватью. Я сидел в гостиной, покуривая трубку и пригубив коньяк, когда из спальни появилась мама, одетая в довольно-таки фривольный наряд, состоящий из короткой, всего по колено, ночной рубашки.

— Кока (моё детское прозвище), я пошла мыться, Агафью я отпустила, а ты не будешь ли так добр, омыть мне спину, когда позову, не просить же об этом Ивана.

— Да, хорошо, мама.

Мама ушла, а я впал в прострацию. Как это помыть спину, она что, голая будет передо мной стоять? Хуй под домашним халатом, ещё не отошедший от ебли с сестричкой, шевельнулся и зажил своей жизнью. Через 10 минут раздался голос мамы:

— Николая, заходи ко мне, дверь открыта.

Я с замиранием сердца вошёл в кабинет. Комната вся была в пару, посередине стояла объёмная ванна, а в ней, спиной ко мне, сидела мама.

— Коленька, голубчик, потри спину, вся чешется от пыли, да и комары накусали.

Я, как во сне, подошёл, и стараясь не смотреть на маму, взл пук мочала и намылил его, затаив дыхание подошёл и стал тереть спину.

— Ой, ой! — заверещала мама. — Больно! Мочало какое-то жёсткое, ты натри лучше руку и ладонью потри.

Я всё сделал, как она хотела: ладонь скользила по мягкой шёлковой коже, а ваш герой стоял дурак — дураком и молил бога, чтобы мама не повернулась и не увидела мощный стояк. Но она повернулась и она заметила! Встала на дно ванны на колени, чтобы мне было удобно натирать, обнажив при этом грудь и кусочек прелестной попы., улыбнулась и, озорно поглядев на меня, спросила:

— Ну, что же ты остановился, три.

Я продолжил своё занятие, натёр спину и даже захватил верхушку задницы, когда мама, слегка осипшим голосом сказала:

— Теперь потри грудь. Не стесняйся, я ведь твоя мама, и в детстве ты часто меня за неё теребил.

Поменяв место, я проклинал всё на свете из-за стоящей елды, но мама успокоила:
— Не красней, это естественная реакция мужчины при виде обнаженной женщины, продолжай.

Теперь две изумительной формы груди открылись передо мной, чуть припухлый животик и начало густых зарослей маминой лохматки. Не помня себя, я натирал и тискал титьки, пока соски не стали похожи на две больших вишни, я натирал живот, я трогал мамину попу, а когда опомнился, то увидел, что у мамы блестят глаза, и она, так же, как я, дышит через раз.
— Ужинать сегодня не буду, устала, — сказала она. — Кока, иди в мою спальную, расстели кровать — отдыхать буду.

Кровать-то я застелил быстро, но встал посреди спальни в раздумье, а что же дальше? Нахлынули воспоминания детства, как подглядывал и поедал глазами мамино тело, как хотел её обцеловать всю голенькую, а, в более старшем возрасте, мечтал и о большем. И вот он случай! Максимум неприятностей, что я смогу получить — пощёчина и мамина ругань. А вдруг?! Не повинуюсь здравому смыслу, я мигом разделся догола, нырнул под пуховое одеяло, затушил свечу и затаил дыхание, накрывшись с головой, подсматривая за дверью. Через несколько минут вошла мама с тусклым огарком свечи в руках, на ощупь дошла до кровати и дунула, свет потух. Я услышал шорох снимаемой рубашки и почувствовал, как рядом со мною легло тёплое, мягкое тело, тело моей мамочки.

— Я так и думала, — тихо сказала она. Ну и что же, Кока ты здесь делаешь? Наверное перепутал свою спальню с моей, отвечай быстро, негодник!

Всё это было сказано не сердитым, а скорее каким-то отрешенным тоном, и я, не говоря ни слова, прижался к маме всем телом, положив руку ей на грудь.

— Кока, Кока, грех ведь это, Господь, он всё видит, — последовала пауза, — но он и прощает. Мама обняла моё лицо и крепко поцеловала в губы, а я застыл, как изваяние, боясь пошевелиться и всё ещё не веря в происходящее, хотя мой елдак верил и был готов к бою. Маман обхватила рукою яички и промурлыкала:

— Николая, ты уснул, или не знаешь, что делать?

Получив такое разрешение, я вцепился губами в твёрдый сосок, а рукой начал обследовать мягкую задницу мамы, потихоньку перемещаясь к волосатой пещерке удовольствия, которая уже всю источала жидкость любви. Мама теребила и дровича мою хуину, постепенно перебираясь к нему поближе, убрала мои руки и взяла в рот, начав громко, со стоном сосать и облизывать.

— Какой он у тебя сладкий, вкусный, я хочу, хочу, хочу... , — шептала она снова и снова, заглатывая моего солдата и дразня языком залупу. Её, чуть раздвинутые ноги оказались рядом, и я, недолго думая, пробрался по волосатым зарослям ладонью, нащупал набухший секиль, потербил его изрядно и со всего размаха вставил в желанную дырочку аж три пальца, да так резко, что маму изогнуло в экстазе, и она громко застонала:

— Да, Кока, так хорошо!! Пошевели ими там!

Внутри пизды было мягко, влажно и, как это не удивительно, очень тесно. Я потёрся по стеночкам влагилица, выбивая из мамы очередные стоны, вытащил хуй из её ротика и подвёл к царским воротам. Она же сама его вставила в себя рукой. И вот я внутри своей матери, сбылись детские мечты! Мы на секунду застыли, смакуя это ощущение полного заполнения, и начались бешенные скачки. Я вдальбивал свою елду с силой, а мама, устремляясь навстречу, насаживалась всё больше и больше, пока не вскрикнула и не

затряслась подо мной, тихонько подвывая. Стенки влагалища сжали моего солдата и запульсировали вокруг него мягким, тесным кольцом.

— Мама, я сейчас изольюсь!

— Да, милый, спускай!!

Она хрипела и металась, титьки больно вжимались в мою грудь, а я вливал в неё свой сок медленными толчками очень долго, оплодотворяя матку, в которой был зачат сам. Всё хорошее кончается рано или поздно, и вот мы лежим, прерывисто дышим, и я легонько целую её лицо, плечи, большие мягкие груди

— Коленька, мальчик мой, ты даже не представляешь, до какого наслаждения довёл свою мамочку. Возвращайся в имение, и я всегда буду к твоим услугам, и днём, и ночью.

Перспектива покинуть Петербург с его соблазнами, страстями, разменять на глухую провинцию, прервать только что завязавшиеся отношения с сестрой, мне не понравилась и я ответил:

Лучше ты приезжай почаще. Я и мой стойкий солдатик всегда будем к услугам любимой мамы.

На этом и договорились. Мама быстренько сбегала в кабинет, помыла письку и мирно уснула на моём плече, крепко сжав ладошкой хуй, словно боялась, что он от неё убежит, а я ещё долго лежал, вспоминая события прошедшего дня, дня, когда я отимел двух самых родных мне людей. Корил ли я себя? Нет, я был счастлив!